

Отец Цзян засыпал колеи на дороге и только потом, взвалив мотыгу на плечо, пошёл домой.

Вчерашние кишки не доели, остался небольшой кусочек, но его разогрели и съели на завтрак. В обед ловили рыбу у реки, так что один приём пищи сэкономили. Вечером Цзян Сяои сварил кашу и нарвал в огороде два кочана капусты.

Из-за задержки на дороге отец Цзян вернулся домой, когда уже почти стемнело.

В главной комнате не было света, но на кухне горел огонь. Издалека он услышал радостный крик Цзян Сяосаня:

— Гэфу, догоняй меня!

Бай Цзыму с большой корзиной в руках гонялся за Цзян Сяосанем, у которого были коротенькие ножки. Догоняя, он накрывал его корзиной, как цыплёнка, и садился сверху, не давая выбраться, как бы тот ни кричал и ни вырывался.

Цзян Сяои и Цзян Сяоэр, стоя рядом, хохотали до слёз.

С тех пор как пришёл Бай Цзыму, в доме не было ни минуты тишины.

На губах отца Цзяна появилась лёгкая улыбка. Вот таким и должен быть дом — шумным, весёлым, полным смеха.

Ужин уже был готов и стоял в тёплой кастрюле.

Одежда отца Цзяна была грязной. Он хотел сначала помыться, а потом есть, но, увидев, что уже поздно и дети, наверное, голодны, сел за стол.

Бай Цзыму посмотрел на него. Одежда была вся в грязи. После того как отец Цзян помылся, он почувствовал боль в лодыжке и налил горячей воды, чтобы попарить ноги. Только тогда Бай Цзыму заметил на его голених несколько тёмных синяков.

— Отец, что у тебя с ногой?

Отец Цзян опустил голову, посмотрел и беззаботно ответил:

— Ничего, просто несколько дней назад ударился.

На голени под кожей мало жира, и при ударе она болит сильнее всего. Бай Цзыму знал это по собственному опыту. Сегодняшний удар хоть и не вызвал кровотечения, но слёзы едва не брызнули на три метра. Боль была такая, будто по кости ударили молотком, и он сразу же не смог встать. Хотя к моменту возвращения домой острая боль прошла, одно воспоминание о ней до сих пор вызывало у Бай Цзыму мороз по коже. Если у него, при таком ударе, не было синяка, то отцу, должно быть, досталось ещё сильнее.

«Эх, уже в возрасте, а всё нелегко ему», — подумал Бай Цзыму.

Будучи почтительным зятем, он тут же заявил:

— Отец, я буду тебя содержать!

Отец Цзян рассмеялся, не приняв его слова всерьёз. Бай Цзыму был худым и нежным на вид, явно не привыкшим к работе. Если он сможет помогать по дому, то и на том спасибо, большего он и не просил. Но сама мысль Бай Цзыму согрела его сердце.

— В доме много расходов. Если не работать, на что Сяозу лекарства покупать? Но не волнуйся, я ещё в силе. В этот раз семья Ли наняла всего пятерых. Я сегодня видел участок, который дядя Ли огородил, — почти два му. Старший сын Ли сказал, что копать нужно на три метра в глубину. Работы хватит на несколько дней. Я поработаю побольше, и на Новый год купим мяса.

Бай Цзыму, разминая ему плечи, сказал:

— Отец, ты мне не веришь? Я уже нашёл работу.

Отец Цзян удивился и, повернувшись, посмотрел на него:

— Ты нашёл работу? Когда?

— ...Этот вредный гэ'эр Сяои тебе не сказал?

— Нет! — нахмурился отец Цзян. — Какую работу ты нашёл? Ты справишься?

Отец Цзян слышал, что Бай Цзыму однажды упал в обморок, не дойдя до поля. Когда он возвращался из гор, его двоюродный дедушка остановил его и долго убеждал, чтобы тот поговорил с Цзян Сяои. Какой толк от мужа, который не может работать? Отец Цзян тогда согласился, что поговорит, но так ничего и не сказал. Цзян Сяои он нравился, поэтому он смирился с тем, какой он есть. Но если человек падает в обморок, не дойдя до поля, значит, на тяжёлую работу он не годен, и всё ляжет на плечи его гэ'эра. Отцу Цзяну было больно и жалко сына. Он не мог представить, как Цзян Сяои и Бай Цзыму будут жить, когда он состарится и умрёт. Его гэ'эру придётся страдать всю жизнь. Теперь он боялся, что Бай Цзыму нашёл

работу, но денег не заработает, а только здоровье подорвёт.

— Справлюсь! — самоуверенно заявил Бай Цзыму. — Просто присматривать за людьми, за лавкой. Что в этом сложного? Я и с закрытыми глазами справлюсь.

— А? — отец Цзян ничего не понял и, повернувшись, спросил: — Какая лавка? Какую работу ты нашёл?

— Работаю управляющим в таверне «Фулай», — небрежно бросил Бай Цзыму, словно гром среди ясного неба.

— Что?! — отец Цзян вскочил, его глаза расширились, и он покачнулся.

Бай Цзыму испугался.

— Отец, что с тобой? Отец? Не пугай меня! Что случилось? Сяои, Сяои, иди сюда скорее!

Цзян Сяои выбежал с заднего двора.

— Что случилось?

Отец Цзян схватился за грудь, его дыхание стало прерывистым, а лицо покраснело. Он был в таком шоке, что не мог вздохнуть. Цзян Сяои поспешно принёс ему воды и стал гладить по спине. Через некоторое время отец Цзян пришёл в себя.

Он всё ещё был в каком-то тумане, всё казалось нереальным.

— В таверне «Фулай» ищут управляющего? — спросил он Бай Цзыму. Увидев, что тот кивает, он тут же добавил: — И они наняли тебя?

— Да, сказали приходить через несколько дней, — ответил Бай Цзыму.

Отец Цзян всё ещё не мог поверить.

— Не обманываешь?

— Зачем мне тебя обманывать? Не веришь — спроси у Сяоэра и Сяосаня, — сказал Бай Цзыму.

Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань прибежали на крик Бай Цзыму. Услышав своё имя, они непонимающе уставились на него. Их маленькие мозги были не больше, чем у поросёнка, и они

не понимали, о какой таверне «Фулай» идёт речь. Бай Цзыму долго объяснял, и только тогда Цзян Сяозэр сказал отцу, что позавчера гэфу водил их в город, и они были в высоком-высоком здании, где было много этажей. Он поднял три пальца и добавил, что там было много людей, которые ели, и было очень чисто и красиво.

Только тогда отец Цзян поверил. И тут же его глаза покраснели. Он думал, что его гэ'эр, выйдя замуж за такого зятя, будет страдать больше других, но оказалось...

— Хорошо, хорошо, хорошо.

Отец Цзян трижды повторил «хорошо», не в силах сдержать волнения. Он хлопал Бай Цзыму по плечу, говоря, что тот молодец, что он хороший парень.

Но работу бросать нельзя. Он ещё не стар и не немощен, нельзя всё взваливать на Бай Цзыму. Отец Цзян не хотел быть для него обузой. На душе у него стало легко, и, несмотря на ноющую боль в голени, на следующее утро он проснулся бодрым и полным сил.

Утром Цзян Сяои не пошёл на поле. Староста разослал своих внучек по домам с вестью: после обеда приедут сборщики налогов.

Раньше, во время войны, налоги были высокими, и народ стонал. В последние два года варвары были напуганы и больше не бунтовали, в стране воцарился мир. В этом году императорский двор издал указ о снижении налоговой ставки на десять процентов, чтобы дать народу передышку. Жестокое правление хуже тигра. Если так продолжать, народ поднимет бунт.

Цзян Сяои собирал зерно в мешки, чтобы, когда приедут сборщики, сразу же отнести его. У его семьи было мало земли, поэтому они сдали всего около двадцати цзиней риса и девяноста с лишним цзиней кукурузы.

Бай Цзыму помогал ему, но толком ничего не делал, а только крутился рядом и подшучивал:

— Цзян Сяои, я тебе песню спою!

— Правда? — обрадовался Цзян Сяои.

— Жил-был один красивый гэ'эр, звали его Сяои. У него были глаза, которые любили сверкать, и большие кривые зубы...

— ... — Цзян Сяои сначала обрадовался и даже покраснел, но потом рассердился. Он ударил Бай Цзыму кулаком. — Опять ты сочиняешь! — Какие у него кривые зубы?

Бай Цзыму рассмеялся и запел снова:

— Сяои, ты знаешь, что я тебя люблю...

Цзян Сяои снова обрадовался и легонько ударил его кулаком.

— Не стыдно?

Средь бела дня. Да ещё во дворе, кто-нибудь услышит — нехорошо.

Бай Цзыму смотрел на его покрасневшее, как попка обезьяны, лицо. Хоть он и смущался, но глаза его сияли. Это было так забавно.

Утром, когда приходил староста, Бай Цзыму был на кухне и ничего не слышал. Сейчас, наполнив мешки, он посмотрел на них и с тоской спросил:

— Нам это зерно самим в управу нести?

Если самим, то это будет та ещё работёнка.

— Не нужно, — сказал Цзян Сяои, — сборщики на воловьей повозке приедут.

— Управа такая добрая? — удивился Бай Цзыму. По телевизору он видел, что крестьяне сами тащили зерно.

— Раньше самим приходилось, — честно ответил Цзян Сяои.

В детстве, когда сдавали зерно, отец носил его на коромысле, а Цзян Сяои ходил с ним. Боясь, что по дороге ограбят, жители деревни собирались вместе. Большая толпа отпугивала злоумышленников. Ноши были тяжёлые, и по дороге приходилось отдыхать. Выходили затемно, с факелами. Цзян Сяои хорошо это помнил.

Но после того, как на трон взошёл новый император, политика изменилась. Налоги и зерно управа теперь вывозила сама, что значительно облегчило жизнь крестьянам. У семьи Цзян было несколько му земли, и они сдавали около ста цзиней зерна. Носить это на себе было тяжело, но возможно. А у других семей было по десять му, как им быть?

Деревня Сяошань была недалеко от города, можно было дойти, сделав несколько привалов. А вот в таких отдалённых местах, как деревня Шилитунь, сдача налогов каждый год была настоящей каторгой.

— Этот император, значит, неплохой, — выслушав, сказал Бай Цыму.

Он тогда ещё не знал, что его искренняя похвала обернется для него бедой. Когда его поймают, посадят в клетку, выставят голую задницу наружу и будут хлестать так, что она распухнет и не заживёт три дня и три ночи, он поймёт, что этот человек хоть и красив, но сердце у него чёрное. А он, по молодости и глупости, ещё и хвалил его.

— Да, — кивнул Цзян Сяои. — Я слышал, все его хвалят, говорят, что он мудрый правитель...

В этот момент из соседнего двора донеслись крики.

— Жрать, жрать! Ты не знаешь, в каком мы положении? Сдадим налоги — и дерьма жрать не останется, а ты, тварь такая, ещё и сладостей захотел?

Это был голос госпожи Цянь.

— У-у-у, я хочу, у Цзян Сяоэра и Цзян Сяосаня есть конфеты, а у меня нет. Мама, Гоу Дань хочет конфету.

— Когда это ты видел, чтобы они конфеты ели? — не поверила госпожа Цянь. Семья Цзян была такой бедной, откуда у них деньги на конфеты? Недавно мясо ели! Что, совсем жить расхотелось? Деньги так тратить.

— Только что, — Гоу Дань катался по земле. — Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань пошли рвать овощи, я видел, у них были конфеты. Гоу Дань тоже хочет, Гоу Дань тоже хочет! Если не будет конфеты, я сегодня не встану.

Цзян Сяои понял. Недавно он попросил двух малышей нарвать овощей. Цзян Сяосань в последние дни очень привязался к Бай Цыму и хотел, чтобы тот пошёл с ним. Бай Цыму не захотел и, чтобы от него отвязались, дал ему леденец на палочке. Наверное, по дороге Гоу Дань их и увидел.

Древние времена сильно отличались от современных. В наши дни рис высокоурожайный, с одного му можно собрать несколько сотен цзиней. Кукуруза на засушливых землях тоже даёт хороший урожай, семена покупают качественные. Если погода благоприятствует, початки вырастают длиной с руку, зёрна на них полные. В равнинных районах вообще хорошо — всё делают машины, людям почти ничего делать не надо. А в горах, где техника не пройдёт, приходится всё делать вручную. Сажая, таскают на гору удобрения и навоз.

В марте сажают, а в середине мая, когда нужно удобрять и полоть, приходится под палящим солнцем работать мотыгой. И в мае, когда удобряют, и в августе, когда собирают урожай, стоит жара, как в печи. Просто стоять на месте — и то жарко, что уж говорить о работающих в поле крестьянах. Пот льётся градом, это очень тяжёлый труд. Но ради куска хлеба ничего не

поделаешь.

Осенью, во время сбора урожая, снова таскают на коромыслах с горы. После такой работы с плеч сходит кожа. Семена стоят несколько десятков юаней за цзинь, удобрения — сотню за мешок. В итоге, занимаясь земледелием, не только не зарабатываешь, но ещё и в убытке остаёшься. Поэтому большинство уезжает на заработки. Без образования они могут устроиться только на стройку или на завод, где снова их ждёт тяжёлый труд. Хотя они и грязные, и иногда на них смотрят свысока, но они не воруют и не грабят, их руки всегда чисты. Такова жизнь простых людей в наши дни.

В государстве Великая Чжоу крестьяне жили так же, как и в этих отдалённых районах, только ещё хуже. У них не было качественных семян, смешанных с лекарствами. Семена кукурузы, которые сажали из года в год, оставляли с прошлого урожая. Посадив их, некоторые не дожидались весеннего дождя и съедались муравьями и прочими насекомыми. Крестьянам приходилось досаживать. Если долго не было дождя и земля пересыхала, приходилось носить воду с реки.

И даже при всём этом, если бы урожай был хорошим, было бы не так обидно. Но семена, не прошедшие селекцию, давали плохой урожай. На некоторых початках было всего несколько редких зёрен, как зубы у старого деда. Смотреть на это было тошно.

«Кто ест из этой тарелки, тот знает, как достаётся каждое зёрнышко». Как достаётся — вот так.

Зерно выращивали с таким трудом, пололи, ловили насекомых, заботились лучше, чем о чём-либо другом. Целый год трудились, ждали, и вот, наконец, высушили, убрали домой, но не успели порадоваться, как уже нужно было отдавать. Кому это понравится? У всех на душе скребли кошки. Поэтому каждый год в это время в деревне все ссорились по пустякам.

У семьи Цянь было около десяти му поливных и засушливых земель, и им нужно было сдать почти двести цзиней зерна. Госпожа Цянь, насыпая зерно в мешки, чувствовала, как у неё кровью сердце обливается. А тут ещё и Гоу Дань со своими капризами. Она всплила и снова начала ругаться:

— Они съели, ну и пусть. Что ты с ними сравниваешься? Один — больной, другой — дурак. У обоих судьба короткая. Не съедят сейчас, пока дышат, когда ещё поедят, когда умрут?

Говоря это, она смотрела в сторону дома Цзянов. Накопившийся гнев не находил выхода, а выплеснуть его было необходимо. На управу и чиновников она кричать не смела, но семья Цзян была ей не ровня. Вспомнив, как её напугал Бай Цыму, она почувствовала себя ещё более униженной. Какой-то пришлый зять, а строит из себя невесть что.

Недавно семья Цзян ела мясо, сегодня Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань едят конфеты. В последние два дня, как только Цзян Сяои возвращался, Бай Цыму тут же подбегал к нему и начинал подшучивать. На лице Цзян Сяои сияла счастливая улыбка, было видно, что он очень рад.

Может, дядя Цзян боится, что Цзян Сяои, обзаведясь мужем, забудет об отце и братьях и начнёт тратить все деньги на Бай Цзыму? Поэтому он решил не церемониться и просто купить мяса и конфет, чтобы всё спустить?

Госпожа Цянь чем больше думала, тем больше убеждалась в своей правоте. В любом случае, мясо он купил, и сам может поесть, а конфеты достанутся его сыновьям. Ничего не теряет.

Успокоившись, госпожа Цянь начала утешать Гоу Даня, говоря, чтобы тот не завидовал детям из семьи Цзян. Сегодня они едят конфеты, а завтра будут землю грызть.

Бай Цзыму, стоявший в соседнем дворе, кипел от ярости, из ушей у него, казалось, вот-вот повалит дым. Госпожа Цянь говорила ужасно, словно проклинала. Как она смеет так говорить о его маленьких шуринах? Она что, совсем его ни во что не ставит?

Он бросил совок, закатал рукава и собрался идти к соседям. Цзян Сяои остановил его:

— Не надо.

— Какое «не надо»! — яростно прошипел Бай Цзыму. — Если я сегодня не дам ей пару пощёчин, она так и не поймёт, с кем связалась.

Они жили так близко, а госпожа Цянь говорила так громко, явно не стесняясь и не уважая его. Она проигнорировала его прошлое предупреждение. Он по-настоящему любил Цзян Сяоэра и Цзян Сяосаня и не мог позволить, чтобы кто-то так о них говорил.

Но Цзян Сяои слышал такое уже не раз.

— Не ходи, — сказал он. — Дядя Цянь очень добр ко мне, Сяоэру и Сяосаню. Он нам много помогал.

Две семьи жили рядом. Цзян Сяоэру часто приходилось пить лекарства, а отвар из китайских трав сильно пах. Госпожа Цянь каждый раз, учуяв запах, считала это дурным знаком и бормотала, что Цзян Сяоэр — смертник. Дядя Цянь и говорил с ней, и ругал её, но госпожа Цянь презирала семью Цзян и не унималась. Когда у неё было плохое настроение, она начинала изводить их намёками. Дядя Цянь, не в силах ничего поделать, тайком приходил к Цзян Сяои, извинялся и просил не обращать на неё внимания. Цзян Сяои соглашался.

К тому же, когда он только начал рубить дрова на продажу, он был ещё маленьким. Иногда, возвращаясь с горы, он так уставал, что не мог идти дальше. Если Цянь Хуцзы или дядя Цянь видели его, они всегда помогали. Он помнил и ценил эту доброту. Он не хотел сейчас устраивать скандал, иначе дядя Цянь давно бы от него получил.

Но Бай Цзыму всё равно был недоволен. Он молча развернулся и пошёл на кухню. Цзян Сяои

не знал, что он задумал. Через некоторое время он вышел с несколькими гнилыми капустными листьями в руках и, не говоря ни слова, перебросил их через забор к соседям.

Цзян Сяои: «...»

Этот человек не мог стерпеть ни малейшей обиды, прямо как избалованный молодой господин.

<http://bllate.org/book/13701/1591638>